

В ноябре 1992 г. пятерка центрально-азиатских стран была принята в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС). Эта организация действует с 1985 г., являясь правопреемницей Организации регионального сотрудничества, образованной в марте 1977 г. Ираном, Турцией и Пакистаном². С 1992 г. помимо центрально-азиатских стран членами ОЭС стали также Азербайджан и Афганистан³. Фактически ОЭС предоставляет институциональные рамки для налаживания экономического взаимодействия постсоветской Центральной Азии (и Азербайджана) с Ираном и Турцией. Эти две достаточно крупные по региональным меркам экономики активно включились в освоение Центральноазиатского региона еще в последние годы существования СССР. После распада последнего и Иран, и Турция попытались активизировать экономическую экспансию, опираясь при этом на специфические конкурентные преимущества.

12.1. Внешнеторговые потоки

Расширение сотрудничества в первую очередь отразилось на росте взаимной торговли. Совокупный экспорт центрально-азиатской пятерки в Иран вырос с 9 млн долл. в 1993 г. до 318 млн долл. в 1999 г. Экспорт региона в Турцию перешагнул за 200 млн долл. с 1993 г.

Особенно быстро центральноазиатский экспорт в Турцию рос в первой половине 90-х гг., причем в значительной мере этот экспорт стимулировался импортом турецких товаров и услуг. К середине 1994 г. Турция предоставила центрально-азиатским странам связанных кредитов на 886 млн долл., гуманитарную помощь на 131 млн долл. и продовольственную помощь на 235 млн долл.⁴ Для того чтобы сбалансировать торговые балансы, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан были вынуждены увеличить встречные поставки на турецкий рынок. К тому же развитие связей с географически близкой и платежеспособной турецкой экономикой позволяло как частично компен-

сировать потерю рынков в бывших советских республиках, так и оптимизировать структуру внешнеторгового сектора, полученного в наследство от Советского Союза.

Импорт региона из Турции в 1999 г. достиг 440 млн долл. по сравнению с 271 млн долл. в 1993 г. Импорт из Ирана в 1999 г. составил соответственно 118 млн долл.

Большая часть товарооборота между Центральной Азией и Турцией и Ираном приходится на Туркменистан (47% в 1998 г.), Узбекистан (24%) и Казахстан (32%). Торговля Кыргызстана и Таджикистана с двумя этими странами по стоимости невелика.

Наиболее значимы связи с Турцией и Ираном для Туркменистана. В 1998 г. на эти две страны приходилось 43,2% совокупного туркменского экспорта (см. табл. 1 Приложения к разд. II). Причем Иран стал крупнейшим, а Турция - вторым по значимости экспортным рынком Туркменистана. Между тем тремя годами ранее Турция поглощала всего 8% туркменского экспорта, а Иран даже не фигурировал среди основных торговых партнеров этой страны. В экспорте! Туркменистана в эти страны безраздельно доминируют природный газ, нефть и нефтепродукты, а также хлопок.

Традиционно туркменский газ поставлялся на Украину и в Закавказье. Однако, столкнувшись со стойкой неплатежеспособностью (Партнеров по СНГ, Туркменистан был вынужден сократить, а затем и (Приостановить поставки постсоветским государствам. При отказе поставлять газ неплатежеспособным партнерам строительство небольшого газопровода в Иран на короткий срок превратило последний в эксклюзивного потребителя туркменского газа.

По тем же причинам Туркмения была вынуждена переориентировать на платежеспособные рынки и поставки хлопкового волокна. Географически близкая Турция с ее развитой текстильной промышленностью стала для туркменского хлопка естественным рынком сбыта. Дополнительно торговля с Турцией стимулируется встречной экспансией турецких строительных корпораций на рынке Туркменистана. Тем более что турецкие компании охотно берут хлопок в обмен на свои услуги⁵.

Абсолютное доминирование Ирана и Турции в качестве основных экспортных рынков для сбыта туркменских товаров продолжалось недолго. Уже в 1999 г. после возобновления масштабных закупок при-

родного газа Украиной последняя вернула себе место главного торгового партнера Туркменистана.

Таблица 1
Торговля государств Центральной Азии с Ираном и Турцией

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Экспорт, млн долл.								
Казахстан								
Иран	6	12	49	63	83	67	100	204
Турция	56	49	70	52	102	94	36	64
Кыргызстан								
Иран	-	0,2	4	6	6	5	8	
Турция	3	4	3	5	8	7		
Таджикистан								
Иран	0,1	2		2	45	14	14	
Турция	2,5	4	8	2	-	0,4	1	
Туркменистан								
Иран	3	1	И	92	123	144	151	
Турция	164	89	150	103	51	113	123	
Узбекистан								
Иран	0,1	-	2	23	13	32	45	71
Турция	41	41	110	46	22	46	68	98
Импорт, млн долл.								
Казахстан								
Иран	3	11	14	6	9	10	8	
Турция	14	87	124	151	177	202	112	
Кыргызстан								
Иран	-	1	2	3	6	8	9	
Турция	10	15	38	48	44	37	23	
Таджикистан								
Иран	0,1	0,3		11	12	11	10	
Турция	5	16	4	5		4	1	
Туркменистан								
Иран	31	24	36	64	39	18	63	
Турция	14	182	160	51	54	149	183	
Узбекистан								
Иран	0,5	0,5	3	52	36	20	28	74
Турция	228	67	90	359	299	197	121	56

Составлено по: см. источники к табл. 1 и 2. Приложения к разд. II и табл. 1 гл. 8, а также данным национальной таможенной статистики центрально-азиатских государств.

Для Казахстана Турция в 1998 г. была десятым по значимости экспортным рынком. Структура казахского экспорта в эту страну носит отчетливый сырьевой характер. В нем доминирует прокат черных металлов, катодная медь и катоды, цинк, шкуры животных, шерсть, минеральные удобрения⁶. В 1999 г. экспорт Казахстана в Турцию сжался по сравнению с предыдущим годом в 2,6 раза, а импорт турецких товаров сократился почти в 2 раза. Этот провал объясняется как падением мировых цен на нефть и металлы, составляющие основные статьи казахского экспорта, так и завершением программ связанного кредитования экспортеров турецким правительством.

В отличие от Турции, для которой Центральная Азия является преимущественно рынком сбыта, Иран главным образом импортирует товары из региона. В 1999 г. его отрицательное торговое сальдо в торговле с центральноазиатской пятеркой выросло до 200 млн долл. по сравнению с 81 млн долл. шестью годами ранее. Основные партнеры Ирана - Туркменистан в Казахстан. О туркменском экспорте речь шла выше. Казахстан* же экспортирует в Иран главным образом металлопрокат, свинец, нефтекокс, асбест и зерно.

Расширению торговли Ирана с Казахстаном мешает неразвитость транспортной инфраструктуры. В настоящее время казахский экспорт поступает на иранский рынок по железной дороге через территории Узбекистана и Туркменистана. В силу высоких тарифов транспортные издержки в цене тонны проката черных металлов на иранско-туркменской границе достигают 33 долл., пшеницы - 40 долл.⁷ В значительной мере проблема транспортных тарифов будет решена после запуска казахского порта Актау на Каспийском море, который модернизируется с помощью кредита Европейского банка реконструкции и развития⁸. Ликвидация посредников в транспортной цепочке и переход на относительно более дешевые морские перевозки должны активизировать встречную торговлю между двумя странами.

В борьбе за центральноазиатские рынки Иран и Турция пытаются разыграть карту своей культурно-религиозной близости региону и общности исторической судьбы. Особенно активно эти лозунги звучали в конце 80-х - начале 90-х гг.

12.2. Поиски постсоветской идентичности в Центральной Азии

Еще в ходе распада СССР и постепенной кристаллизации на базе бывших советских республик новых суверенных государств возникла проблема обретения ими государственной идентичности. Для центральноазиатских государств поиск постсоветской идентичности с самого начала обещал быть особенно трудным. Дело не только и даже не столько в искусственности унаследованных границ, слабой жизнеспособности подвергшихся грубой вивисекции нерыночных экономических комплексов, а также рыхлости и размытости базовых основ государства. Ни одна страна из центральноазиатской пятерки не может реально опереться на сколько-нибудь развитую и исторически протяженную традицию регулярной государственности.

До включения подавляющей части территории современной Центральной Азии в состав Российской империи во второй половине XIX в. здесь существовали слабоцентрализованные государства со столицами в Бухаре, Коканде и Хиве. Население самого крупного из них Кокандского ханства насчитывало более 3 млн чел. По мере продвижения русской армии в глубь Средней Азии население этих государств переходило в российское подданство, а сами они попадали в вассальную зависимость от России. К началу 70-х гг. XIX в. слабые зачатки самостоятельной государственности в Средней Азии были окончательно разрушены⁹.

Постсоветские республики не могли опереться и на традицию длительной антиколониальной борьбы, как это происходило в 50-е - 60-е гг. при становлении независимых государств Азии и Африки. Дело не только в том, что антиколониальное движение не успело оформиться организационно и пустить корни в обществе за короткий период политической либерализации второй половины 80-х гг. Советский Союз если и был колониальной империей, то империей весьма своеобразной. В ней "колонии"-республики фактически развивались за счет ресурсов "метрополии" - России¹⁰.

Формальное обретение государственной независимости отнюдь не устранило вакуума государственной идентичности. При отсутствии других возможностей этот вакуум стал быстро заполняться самыми противоречивыми и разнородными идейными мифологемами. На пер-

вых порях заметное место среди этих мифологем заняли "исланизм" и "пантюркизм", в качестве естественных проводников которого рассматривались Иран и Турция.

Ретроспективно вполне очевидно, что и исланизм, особенно в его иранском варианте, и пантюркизм были не в состоянии предложить центральноазиатским государствам работоспособную стратегическую перспективу. Кроме того, обе мифологемы слабо сопрягаются с социокультурными и даже религиозными характеристиками государств Центральной Азии. Тем не менее в конце 80-х - первой половине 90-х гг. находившиеся в самом начале процесса консолидации своей власти политические элиты в Центральной Азии остро нуждались в международной легитимации своего независимого статуса и стремились укрепить его любыми способами. К тому же по понятным причинам главную угрозу своим притязаниям на абсолютную власть они видели в попытках (реальных или мнимых - другой вопрос) реанимации в любой форме тесных отношений с Россией, воспринимавшейся либо как модификация бывшего общесоюзного центра, либо как угроза неоимперской экспансии.

С самого начала идеи исламизма и пантюркизма были по-разному восприняты в центральноазиатских государствах. Достаточно резко и открыто против идеологической экспансии ислама и усиления влияния исламских организаций в регионе выступил Узбекистан. Его позиция во многом определилась под влиянием демонстрационного эффекта от исламизации Таджикистана, раздавленного межклановой войной, одна из противоборствующих сторон в которой консолидировалась под квазирелигиозными лозунгами. Президент Узбекистана И. Каримов прямо обвинил Иран в дестабилизации положения в Таджикистане¹¹. При этом узбекский истеблишмент выступил против любых попыток политизации ислама, от каких бы сил они ни исходили. Не случайно конституция Республики Узбекистан прописана в универсальном просветительском ключе, провозглашает абстрактные демократические свободы и свободна от каких-либо апелляций к исламу¹².

Такая позиция особенно примечательна ввиду того, что из всей центральноазиатской пятерки Узбекистан и Таджикистан, пожалуй, только и могут быть с определенными натяжками причислены к группе мусульманских, или исламских, стран. Точнее говоря, к государствам, где ислам укоренен на уровне массового сознания и поведения.

Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан, которых советизация и коммунизация застала на разных стадиях разложения родоплеменного строя, едва ли могут претендовать на статус исламских государств. Скорее мы имеем здесь дело с причудливой смесью язычества, культа предков, советского безбожия, мистицизма, оккультизма, а также некоторых элементов ислама и других мировых религий.

По понятным причинам проблематика центральноазиатского ислама не получила сколько-нибудь подробного и глубокого освещения в научной литературе советского периода. Однако даже самые поверхностные наблюдения убеждают в том, что и казахский, и туркменский, и кыргызский ислам представляют собой весьма специфическое явление, которое непреодолимо далекое как от классических стандартов, так и периферийного ислама неарабских государств.

Резко негативное отношение к попыткам политизации ислама в одних государствах и слабая восприимчивость к нему других естественным образом ограничили возможности Ирана использовать религиозный фактор в борьбе за влияние в регионе и местные рынки. К тому же иранская разновидность шиитского ислама в нынешней его пуританской и агрессивной форме в принципе не имела перспективы в Центральной Азии. С одной стороны, здесь традиционно распространялся ханафитский мазхаб суннизма¹³, с другой - высокообразованное, прошедшее школу советского атеизма и придерживающееся современных норм поведения городское население центральноазиатских стран, которое и определяет вектор разворачивающихся перемен, безусловно, приняло бы в штыки любые попытки копирования иранской модели регулирования частной и общественной жизни. Поддержка же Ираном так называемой "исламской оппозиции" в Таджикистане окончательно подорвала его и без того слабые позиции в конкуренции за влияние в Центральной Азии.

Поначалу намного больший интерес у центральноазиатских лидеров вызвало расширение контактов и укрепление связей с Турцией и идея пантюркизма. По-видимому, это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, уже в 1991-1992 гг. Турция открыла этим странам кредитные линии. Хотя связанные торговые кредиты и легли дополнительным грузом на платежные балансы, они позволили частично ослабить острейший товарный голод на местных потребительских рынках, который многократно усилился в связи с распадом Совет-

ского Союза и сокращением притока ресурсов из России. То есть с самого начала за пантюркизмом скрывался не идеологический или религиозный, а экономический смысл, что не могло не встретить положительного отклика в пораженной тяжелейшим кризисом Центральной Азии.

Во-вторых, все новые независимые государства пытались найти любые возможные противовесы России, от которой они продолжали критически зависеть. Турция, вполне естественно, оказалась в роли такого противовеса. Именно в 1991-1993 гг. некоторые центральноазиатские страны перешли либо приняли решение перейти на латинский алфавит. В этот же период активно налаживались контакты в сфере культуры, образования и подготовки кадров. Интенсифицировались и личные контакты новых политических элит Центральной Азии с турецким истеблишментом. Показательно, что в 1991-1994 гг. лидеры некоторых центральноазиатских стран стали частыми гостями в турецкой столице, а представители турецкого частного сектора и экономической науки официально вошли в круг ближайших советников центрально-азиатских президентов¹⁴.

В-третьих, опираясь на свои экономические возможности и общность языка, Турция активно развивает контакты с новыми независимыми государствами в гуманитарной сфере. Проекты Турецкого агентства по международному сотрудничеству (ТИКА) в период 1993-1997 гг. позволили около 10 тыс. туркменских студентов ежегодно обучаться в Турции. Ежегодную профессиональную стажировку в Турции проходили сотрудники правительственных органов и компаний частного сектора¹⁵.

В Казахстане с помощью Турции было создано два университета и 26 казахско-турецких лицеев¹⁶. Ежегодно в этих учебных заведениях обучается около 5 тыс. чел. Помимо того около 1,5 тыс. студентов из Казахстана получают различное образование в Турции¹⁷.

Эти процессы нельзя рассматривать в отрыве от исторического контекста. На протяжении нескольких веков центральноазиатские страны и Турция находились в поле взаимного влияния и взаимопроникновения. Прерванные в советское время контакты между культурно близкими народами были достаточно быстро восстановлены, во всяком случае на уровне элитных групп. Тем более что всем постсоветским лидерам был присущ некий избыточный романтизм в отношении

так называемых "цивилизованных государств". В то время как Россия нацелилась на стратегическое партнерство с ведущими мировыми державами, бывшие среднеазиатские республики искали предмет для подражания и дружбы в своей "весовой категории".

Быстрому сближению Центральной Азии и Турции немало способствовала и инерция процессов, набравших силу в последние годы существования СССР. Советское руководство рассматривало Турцию в качестве модельной страны, сумевшей осуществить удачную модернизацию и вовремя приступить к демонтажу разбухшего и неэффективного государственного сектора. Уже во второй половине 80-х гг. прошлого века республики и местные хозяйствующие субъекты создали плотную инфраструктуру прямого сотрудничества с турецкими партнерами¹⁸.

В начале 90-х гг. было модным говорить о "турецком марше" в Центральной Азии. Определенные поводы для этого давала пышная риторика центральноазиатских лидеров. В июне 1991 г. И. Каримов, неоднократно подчеркивавший, что видит в Турции образец для подражания, обратился к этой стране с просьбой представлять интересы Узбекистана в иностранных государствах и организациях и даже неожиданно для всех заявил, что придет время, когда узбеки и турки будут заседать в одном парламенте¹⁹. Не отставали и другие лидеры. Была развита бурная активность на дипломатическом поприще, регулярно проходили многочисленные дву- и многосторонние встречи на высшем уровне, включая саммиты тюркоязычных государств, интенсифицировалась работа Организации экономического сотрудничества, самым мощным членом которой является Турция.

Со стороны Центральной Азии столь бурное сближение было вызвано ощущением хрупкости своей государственности, а также стремлением получить немедленную экономическую помощь. Параллельно центральноазиатские лидеры развернули активность по всем возможным направлениям. Показательно, например, что, расточая панегирики в адрес Турции, Узбекистан одновременно устанавливал дипломатические отношения с Китаем, признав в последнем великую державу²⁰, подписал двусторонний договор с Россией (июнь 1992 г.), признав в ней гаранта стабильности и безопасности своих границ²¹, расширил диалог с Южной Кореей, Малайзией и Индонезией (июнь 1992 г.), вступил в Движение неприсоединения (август 1992 г.), нако-

нец, укрепил базу двустороннего сотрудничества с Ираном²². Аналогичной политики, направленной на максимальную диверсификацию международных связей и вступление во все открытые международные организации, придерживались все постсоветские государства без исключения.

Однако уже к середине 90-х гг. надежды на масштабное экономическое сотрудничество с Турцией в регионе сильно поблекли. Главной причиной этого стало плохо скрываемое разочарование в экономической мощи вновь обретенного партнера. Это не значит, что контакты с Турцией были свернуты, напротив, большинство из них продолжает успешно развиваться. Вместе с тем сотрудничество с этой страной заняло подобающее место во всем комплексе внешнеэкономических связей новых независимых государств, а ожидания первых лет независимости уступили место более реалистичным оценкам.

Пантюркизм и, в меньшей степени, исламизм являются лишь идеологической оболочкой для расширения контактов Турции и Ирана с Центральной Азией. В действительности эти развивающиеся контакты движутся совсем иными факторами.

12.3. Энергия частного сектора

В основе усиления экономических позиций Турции в регионе лежит удачно используемый опыт ее собственной модернизации и вестернизации, накапливаемый со времен Ататюрка. Этот опыт реализуется через современные универсальные технологии и механизмы развития, ставку на региональные экономические интересы, энергию рвущегося на внешние рынки частного капитала.

Так, в Казахстане на середину 1995 г. активно действовало 269 турецких фирм и компаний. Общий объем работ по намеченным совместным проектам достигал около 1 млрд долл.²³ В Туркменистане при участии турецких фирм сооружается более 62 крупных объектов, контрактная стоимость которых превышает 800 млн долл.²⁴ Туркменистан стал турецким инвестиционным приоритетом с самого начала. Уже к середине 1995 г. турецкие компании реализовывали в этой стране проекты общей стоимостью 1,5 млрд долл.²⁵

Анализ нарастающей активности турецких фирм в Центральной Азии показывает, что их усилия разворачиваются на следующих

направлениях. Во-первых, комплексные строительные подряды. Мощь значительной части турецкого частного сектора давно подписывается внешней экспансией. Особенно это справедливо в отношении строительного комплекса. Опоздав к разделу глобального рыночного "пирога" в других сферах деятельности и повторяя путь других государств запоздавшего развития (скажем, Южной Кореи), Турция в 80-е гг. сумела оттянуть на себя заметную долю мировых подрядных строительных работ. В Советском Союзе турецкий строительный капитал начал осваиваться уже в конце 80-х гг. В 90-е гг. продвижение турецких строительных фирм на постсоветские рынки шло еще энергичнее, так как они опирались на весьма эффективную систему конкурентных преимуществ. За 1996-1999 гг. только в Казахстане турецкие строительные фирмы выполнили подрядных работ более чем на 2 млрд долл.²⁶

Большую роль здесь, конечно, играют и тесные личные связи в высших эшелонах политической и экономической власти, что особенно важно в системе утвердившегося на постсоветском пространстве насквозь коррумпированного "приятельского капитализма". Учитывая, что турецкий деловой этос в этом смысле мало отличается от постсоветского, турецкие фирмы виртуозно используют это конкурентное преимущество в борьбе за рынки. Но главное все же в том, что турецкие подрядчики предлагают строительные услуги сравнительно высокого по местным меркам качества по относительно низким ценам, а также готовы идти на максимально гибкие бартерные и клиринговые схемы расчетов. Так, турецкая компания "Берк" выиграла конкурс на строительство нового аэропорта в Атырау (Казахстан) потому, что запросила всего 14 млн долл, в то время как предложения западных конкурентов находились в пределах 26-46 млн долл.²⁷

Во-вторых, турецкие компании вовлечены в создание обрабатывающих производств в легкой и пищевой промышленности, а также розничной и мелкооптовой торговле, гостиничном хозяйстве и туризме. В Казахстане, например, с помощью турецких предпринимателей построены макаронная фабрика, молокозавод, предприятия по выделке овечьих шкур и пошиву одежды, а также гостиница "Анкара"²⁸. В Узбекистане с помощью турецкого партнера - фирмы "Бесшташ" - создано ориентированное на экспорт производство ковров, турецкая компания "Язекс" принимала участие в создании текстильного комп-

лекса "Катекс"²⁹. В Центральной Азии (и всем СНГ) турками создана сеть торговых супермаркетов "Рамстор"³⁰.

В-третьих, турецкий бизнес активно кооперируется в Центральной Азии с ведущими мировыми транснациональными корпорациями, выступая в качестве своеобразного проводника последних в регионе. Так, в кооперации с "Siemens" турецкие компании добились права на строительство электростанции в Казахстане, в союзе с "Coca Cola" - заводов по производству и продаже пластиковых бутылок в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане³¹. Подобное разделение труда, когда ведущие мировые производители обеспечивают высокий технический и технологический уровень продукта, а также гарантируют универсальный стандарт качества, а турецкий партнер отвечает за менее сложные части совместного проекта, обусловлено длительным опытом их сотрудничества на внутреннем рынке Турции и третьих стран. Анкара и Стамбул давно стали центрами размещения региональных штаб-квартир многих ведущих ТНК.

В некоторых случаях проникновение турецкого капитала на центральноазиатские рынки финансируется за счет международной помощи самой Турции. К такой практике, например, прибегает Агентство международного сотрудничества Турции (ТІСА), осуществляющее в регионе несколько проектов поддержки малого и среднего бизнеса, используя для этих целей кредиты международных организаций.

Намного скромнее в этом плане возможности Ирама. Срыв модернизации в конце 70-х - начале 80-х гг. серьезно ослабил местный частный капитал. Значительная часть иранской деловой элиты вынуждена была эмигрировать из страны, оставшиеся ведут нелегкую борьбу за выживание в обстановке, далеко не благоприятствующей развитию частной инициативы. Хотя в первой половине 90-х гг. в постсоветских средствах массовой информации часто появлялись сообщения о неких "мощных шиитских фондах", якобы осуществляющих экономическую экспансию в Центральную Азию, по большому счету, Иран мало что может предложить даже нетребовательным центральноазиатским рынкам. Конечно, в 1991-1994 гг., пользуясь институциональным и законодательным хаосом, порожденным обвальным либерализацией внешней торговли на постсоветском пространстве, иранским производителям удалось продвинуть на центральноазиатские рынки некоторые товары в обмен на бартерные поставки зерна, хлопка, ме-

таллов, нефтепродуктов и т. п. Однако по мере насыщения этих рынков простейшими потребительскими товарами низкого качества иранский экспорт в Центральную Азию с середины 90-х гг. в лучшем случае начал стагнировать. Он явно не в состоянии выдержать конкуренцию с китайским ширпотребом, занимающим ту же низшую ценовую нишу.

Предложить же государствам региона какие-либо относительно передовые технологии и оборудование Иран не способен. Свертывание экономических и научно-технических связей с США и Западной Европой, последовавшее за так называемой "исламской революцией", очень быстро обернулось падением технологического уровня местной промышленности, который ранее поддерживался исключительно за счет массивного импорта машин, оборудования и ноу-хау. Нарастающая общеэкономическая и технологическая отсталость Ирана особенно очевидна в сравнении с Турцией, которая на протяжении всего XX в. постоянно наращивала сотрудничество с Западом.

Вполне очевидно, что сама экономическая модель послешахского Ирана, опирающаяся на вне рыночное идеократическое государство, накладывает системные ограничения на развитие и конкурентоспособность национальных производителей как в частном, так и государственном секторе. В этом смысле Иран мало чем отличается от других государств, сделавших ставку на этатизм.

В результате иранские предприятия заняли в центрально-азиатских экономиках позиции, заметно уступающие турецким компаниям. В Казахстане, например, в 1997-1998 гг. на предприятия с участием турецкого капитала приходилось 5-6% совокупного национального экспорта и 1-2% импорта. Экспортные и импортные потоки, контролируемые иранским капиталом, были ничтожно малы (см. табл. 2). Показательно и то, что предприятия с участием турецкого капитала контролируют импортные потоки, в 3-4 раза превосходящие по стоимости импорт фирм с российским участием.

Таблица 2

*Совместные и иностранные предприятия в Казахстане**

	Число предприятий	Число занятых	Экспорт, млн долл	Доля в экспорте, %	Импорт, млн долл	Доля в импорте, %
Иран						
1997	45	178	0,3		2,4	
1998	52	170	0,2		3,1	
Китай						
1997	79	937	0,8		1,1	
1998	74	739	0,1		1,5	
Китай - Гонконг						
1997	1	1	-		-	
1998	3	139	0,6		0,1	
Пакистан						
1997	22	155	0,1		13,3	0,2
1998	20	109	0,35		0,4	
Россия						
1997	237	10520	116,6	1,6	27,9	0,3
1998	285	11792	186,9	3,1	54,2	0,7
Турция						
1997	228	4672	6,5	0,1	98,1	1,2
1998	266	6527	4,7	0,1	159,1	2,1
Южная Корея						
1997	38	4710	2,7		30,6	0,4
1998	45	4816	1,1		57,7	0,7
Всего						
1997	1388	77893	1510,0	21,0	796,1	10,2
1998	1667	99877	1503,0	25,3	981,5	13,0

* - указаны лишь те доли, которые составляют не менее 0,1% от соответствующего показателя
 Составлено и подсчитано по Краткий статистический ежегодник Казахстана 1999 С 64, 76-81

12.4. Транзитно-транспортный потенциал ОЭС

Принимая во внимание текущее экономическое положение в Турции и тем более Иране, а также экономический потенциал обеих этих государств, трудно ожидать от них серьезного воздействия на экономическую динамику Центральной Азии. В действительности и Турция, и Иран борются не столько за местные рынки, сколько за то, чтобы выступить в качестве коммуникационного посредника географически запертого региона с внешним миром. Главное предназначение Организации экономического сотрудничества состоит в активизации транзитно-транспортного потенциала ее участников. Речь идет о раз-

витии транспортной и коммуникационной инфраструктуры в регионе действия ОЭС, а также строительстве сети транснациональных трубопроводов для экспорта каспийской нефти и газа на мировые рынки³².

Непосредственно граничащий с регионом Иран ускоренно развивает сеть трансграничных железных и автомобильных дорог, рассчитывая превратиться в важное экспортное окно для Центральной Азии, а главное - в важнейший транзитный узел в торговле Китая и стран АТР с Европой. Турция непосредственно не граничит с Центральной Азией, однако рамки ОЭС позволяют ей принимать активное участие в реализации многосторонних транспортных проектов.

В мае 1996 г. произошла стыковка иранской и туркменской железных дорог на участке Мешхед-Серахс-Теджен, что позволило соединить в единую транспортную артерию морской порт Ляньюньгань на восточном побережье Китая и иранский порт Бендер-Аббас на берегу Персидского залива. Тем самым был обеспечен выход с одной стороны через города Урумчи, Алматы, Ташкент и Тегеран к открытым морям Тихого и Индийского океанов, с другой - через Стамбул - к рынкам европейских государств³³.

Параллельно Казахстан, Туркменистан и Иран договорились о строительстве железной дороги, связывающей Ералиево, Туркменбаши и Туркменбендер³⁴. В июле 1999 г. Иран, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Турция и Узбекистан договорились о строительстве железной дороги протяженностью 6 тыс. км, конечные пункты которой расположены в Казахстане и Турции³⁵. В январе 2000 г. началось строительство железной дороги Теджен - Бабадайхан³⁶. В 2000 г. иранские и туркменские автодорожные компании договорились о строительстве дороги Геоктепе-Бахардан³⁷.

Другим мощным, а в перспективе главным, стержнем регионального сотрудничества являются нефтегазовые проекты. Географический козырь в этом деле опять-таки у Ирана, граничащего по суше с богатым природным газом Туркменистаном, а по Каспийскому морю с богатым, как нефтью, так и газом Казахстаном.

С начала 90-х гг. различные ведущие нефтегазовые корпорации изучают возможности Ирана стать участником проекта по транспортировке туркменского природного газа в Турцию и далее в Южную Европу. Этот проект получил официальное название "Туркменский трансконтинентальный газопровод"³⁸. Примечательно, что админист-

рация Клинтона была готова содействовать проекту газопровода "Туркменистан - Иран - Турция - Европа" и заявила о поддержке планов британо-голландской компании Royal Dutch/Shell, выступавшей мотором этого проекта³⁹. Согласно технико-экономическому обоснованию, подготовленному компанией, стоимость прокладки трубопровода оценивалась в 3,8-4,0 млрд долл.⁴⁰ Однако планы Royal Dutch/Shell, как и аналогичные намерения американской Mobil, сорвались.

В 1996 г. Иран решил экспортировать в Турцию и, возможно, Европу собственный природный газ. В августе того же года Иран подписал контракт с Турцией о ежегодных поставках в эту страну от 2 до 10 млрд куб. м газа в течении 22 лет⁴¹. По мнению некоторых наблюдателей, тем самым надежды Туркменистана на выход на турецкий газовый рынок были похоронены, во всяком случае в обозримый период⁴². Вместе с тем, нельзя исключать и такой вариант, когда по этому маршруту совместно с иранским на турецкий рынок будет поступать и туркменский газ.

В декабре 1997 г. был пущен газопровод Корпедже (Туркменистан) - Курт Куи (Иран). Газопровод построен на иранские деньги и в течение трех лет Туркменистан будет расплачиваться поставками газа. Его годовая пропускная способность не превышает 8 млрд куб. м. Газ поставляется на иранские химические предприятия для переработки. Иран взял на себя обязательство закупать весь объем экспортируемого газа в течении 25 лет⁴³. В 1998 г. Иран импортировал всего 1,7 млн куб. м газа по цене 24,5 долл. за тыс. кубометров⁴⁴. По предварительным данным, которые могут быть скорректированы, в 1999 г. Иран сократил и без того незначительные объемы покупки газа в Туркменистане⁴⁵.

Параллельно с газовыми проектами Иран пытается встроиться в разработку нефтяных ресурсов Центральной Азии. Иранская национальная нефтяная компания зарезервировала за собой право на разработку трех нефтеносных участков - Аджар, Бургут и Ланин - на каспийском шельфе у берегов Туркменистана⁴⁶.

С 1992 г. Иран и Казахстан периодически возобновляют переговоры о нефтяном свопе. Идея заключается в том, чтобы поставлять казахскую нефть на север Ирана в обмен на отгрузку эквивалентного количества иранской нефти третьим сторонам с нефтеналивных танкеров в Персидском заливе. В 1996 г. Казахстан и Иран подписали десятилетний контракт на ежегодную поставку в Иран от 2 до 6 млн тонн

казахской нефти, добываемой совместным предприятием Тенгизшевройл. В январе 1997 г. соглашение начало реализовываться, и уже в мае того же года Иран отгрузил первую нефть в счет казахских поставок со своих терминалов в Персидском заливе⁴⁷. Формально это сотрудничество не подпадает под известный закон Д'Амато, регламентирующий экономическое сотрудничество американских компаний с Ираном. Однако выяснилось, что иранские нефтехимические предприятия технологически не приспособлены под переработку казахской нефти, имеющей специфические примеси⁴⁸.

Тем не менее, осенью 1998 г. французская Total начала подготовку технико-экономического обоснования нефтепровода Казахстан - Туркменистан - Иран. Этот проект предполагает транспортировку нефти с казахских месторождений Тенгиз и Новый Узень, а также нефтяных месторождений Западного Туркменистана. В первом варианте казахская и туркменская нефть могут транспортироваться на нефтеперерабатывающие предприятия Северного Ирана в рамках своповых сделок. Во втором - предполагается строительство нефтепровода прямо к экспортным терминалам на острове Харг в Персидском заливе⁴⁹.

В сентябре 1999 г. Иран начал переговоры с китайскими нефтяными компаниями о строительстве 390-километрового трубопровода от порта Нека на Каспийском море к нефтеперерабатывающим комплексам в Тегеране. Стоимость прокладки нефтепровода оценивается в 360 млн долл. По словам иранских властей, нефтепровод должен позволить расширить возможности сделок по обмену нефти с государствами Центральной Азии⁵⁰. В принципе, до порта Нека, где начинается уже имеющийся нефтепровод с оборудованной инфраструктурой, экономически выгодно и дешево поставлять казахскую нефть танкерами из порта Актау⁵¹. В рамках этого проекта Иран заявил о готовности закупать по 20 тыс. тонн нефти у Казахстана и Туркменистана⁵².

С середины 90-х гг. Иран активизировал усилия по расширению диалога с Западом, в первую очередь в экономической области. Пятнадцатилетняя изоляция от развитых мировых центров крайне негативно сказалась на некогда самой динамичной стране на Ближнем Востоке. Если в середине 70-х гг. всерьез обсуждались конкретные сроки вхождения Ирана в десятку ведущих экономических держав мира⁵³, то начало третьего тысячелетия он встретил как относительно скромная по размерам экономики и особенно уровню развития страна

с маргинализированным международным статусом. ВВП Ирана в 1998 г. равнялся валовому национальному продукту Таиланда и почти в два раза уступал ВВП Турции⁵⁴. По ВВП на душу населения Иран принадлежит к группе стран со средним уровнем душевого дохода.

В 1998 г. Иран провел серию презентаций для ведущих нефтегазовых концернов Великобритании, США, Франции и других стран, предложив потенциальным инвесторам два масштабных проекта. С одной стороны, Тегеран объявил серию тендеров на разработку собственных месторождений нефти и газа, общая стоимость освоения которых оценивается в 5,7 млрд долл. С другой - инвесторам была предложена программа "Суан", по строительству сети трубопроводов, связывающих Иран с Центральной Азией. Если программа будет реализована, то к 2015 г. Иран будет способен транспортировать на мировой рынок всю добываемую каспийскую нефть и газ⁵⁵.

Эти и другие, менее афишируемые, сигналы иранской стороны были услышаны мировым сообществом, в первую очередь ведущими энергетическими корпорациями. В сентябре 1997 г. французская Total, российский "Газпром" и малазийская Petronas заключили с Иранской национальной нефтяной компанией соглашение о разработке газового месторождения Южный Парс, которое оценивается в 2,5 млрд долл.⁵⁶ Вслед за франко-российско-малазийским триумvirатом в Тегеран вернулась British Petroleum⁵⁷. В марте 1999 г. французская Elf-Aquitaine и итальянская ENI подписали с Ираном контракт на разработку нефтяного месторождения Доруд, оцениваемого в 1 млрд долл.⁵⁸

Осторожное открытие Ирана и нарастающие его контакты с европейскими корпорациями ускорили действия американских компаний. В марте 1998 г. американская Conoco заявила о возобновлении своей деятельности в Иране, невзирая даже на угрозу санкций со стороны американского конгресса⁵⁹. Действия Conoco вписываются в общий контекст постепенного пересмотра американской политики в отношении Ирана. Еще в конце 1996 г. в США была создана специальная многосторонняя группа во главе с одним из самых искушенных экспертов по глобальному нефтегазовому рынку Джеффри Кэмпом. Важнейший вывод, к которому пришла эта группа, состоит в том, что Америка готова к полномасштабному двустороннему сотрудничеству с Ираном в разработке нефтегазовых ресурсов, если тот будет придерживаться общепринятых на мировом рынке правил игры⁶⁰.

До самого последнего времени США на правительственном уровне отрицательно относились к сотрудничеству центральноазиатских государств с Ираном в нефтегазовой сфере. Это сотрудничество, по мнению США, может позволить одному из самых крупных производителей энергоносителей усилить давление на региональный и глобальный энергетический рынок, что, в свою очередь, приведет к непредсказуемым последствиям для мировой и американской экономики⁶¹.

Пойдет ли на более тесное взаимодействие с Ираном в нефтяной области новая американская администрация, не вполне ясно. Но безусловно, что после победы на иранских парламентских выборах сторонников более открытой и либеральной модели развития сам Иран активизирует усилия по восстановлению экономического, в том числе энергетического, сотрудничества с Западом, в чем он, безусловно, получит поддержку ведущих мировых нефтегазовых ТНК. Показательно, что весной 2000 г. после семилетнего перерыва Мировой банк возобновил кредитование Ирана, несмотря на возражения США⁶².

Большие надежды на сотрудничество с Центральной Азией в нефтегазовой сфере возлагает Турция. Турецкая национальная нефтяная компания (ТПАО) одной из первых пришла в нефтяной сектор Казахстана, создав совместное предприятие "Казахтуркмунай" для проведения геологоразведочных работ⁶³. Весной 1997 г. частная турецкая компания "Матойл" создала на паритетных началах совместное предприятие с казахским АО "Эмбаунайгаз" для эксплуатации месторождения Матен, извлекаемые запасы которого оцениваются в 2 млн тонн⁶⁴. В октябре 1997 г. ТПАО выиграла тендер на разведку, добычу и раздел продукции в Актюбинской области. Партнером турецкой компании выступает американская Атосо. Запасы нефти на контрактной территории, по предварительным оценкам, составляют 45 млн тонн. Общая стоимость разработки месторождения оценивается в 750 млн долл.⁶⁵

Непосредственно не имея общих границ с регионом, Турция делает ставку на участие в общерегиональных проектах, к которым относится проект экспорта туркменского газа. С середины 90-х гг., не добившись ощутимых успехов на иранском и других направлениях, Туркменистан пытается реализовать идею экспорта природного газа в Турцию через территорию Азербайджана и Грузии. Для оплаты услуг по юридической подготовке этого проекта, получившего название "Транскаспийский" (ТКГП), правительство США предоставило грант

в 150 тыс. долл.⁶⁶ В мае 1998 г. Экспортно-импортный банк США заявил о своей готовности участвовать в финансировании этого проекта⁶⁷. Позднее аналогичное заявление сделала американская Корпорация частных инвестиций за рубежом⁶⁸.

На первых этапах мотором транскаспийского проекта выступала группа PSG, объединяющая подразделения таких ведущих мировых корпораций, как Bechtel и General Electric⁶⁹. Позднее к этому альянсу присоединилась Royal Dutch/Shell, которая убедилась в невозможности во всяком случае в обозримом периоде, реализации трансконтинентального газового проекта через Иран⁷⁰. Shell взяла на себя обязательство обеспечить 50% средств для строительства газопровода, а PSG - разработку коммерческой и юридической базы для реализации проекта⁷¹.

В январе 1999 г. американская корпорация Enron подготовила технико-экономическое обоснование проекта, оцениваемого в 2 млрд долл.⁷² В феврале 1999 г. Турция подписала соглашение с Туркменистаном о ежегодных закупках 16 млрд куб. м для собственных нужд и транспортировке 14 млрд куб. м газа в Европу. Практически одновременно PSG и Туркменистан подписали соглашение о строительстве газопровода⁷³. Однако с середины 1999 г. планы реализации ТКГП зависли по той причине, что Туркменистан не соглашается на условия, Предлагаемые западными компаниями.

Подлинные причины отсутствия реальных шагов по реализации проекта экономические и политические, а не технические. Во-первых, газопровод должен пройти по территории трех постсоветских государств, каждое из которых находится в плачевном экономическом, а значит, и социально-политическом положении. Центральные власти в Азербайджане и Грузии настолько слабы, что не способны полностью контролировать территорию собственных государств. Неясно, каким образом будет гарантирована безопасность магистрального газопровода, проходящего по территории слабодеспособных или, следуя новейшей международной терминологии, "провалившихся" (failed) государств. До 20% территории Азербайджана оккупировано вооруженными отрядами армии Нагорного Карабаха. Центральное правительство Грузии не контролирует Аджарию, Абхазию, Джавхетию и, до некоторой степени, Сванетию. Считается, что рост доходов от экспорта и транзита газа позволит стабилизировать внутреннюю ситуацию в государствах Закавказья. Однако в действительности увеличение дохо-

дов может, напротив, обострить борьбу конкурирующих грузинских и азербайджанских кланов за доступ к рентным поступлениям. С такой ситуацией мир постоянно сталкивается, например в Конго. В этом случае риски транспортировки углеводородов через Закавказье многократно растут.

Во-вторых, между тремя государствами существуют острые экономические противоречия. Так, Грузия задолжала Туркменистану за поставки природного газа в 1994-1997 гг. 374 млн долл., а Азербайджан - 56 млн долл.⁷⁴ Ресурсов для расплаты по старым долгам у обеих государств нет. Наряду с этим Азербайджан претендует на значительную квоту поставок на турецкий и европейский рынок. В июле 1999 г. ВР Атосо заявила о том, что пробное бурение в азербайджанской части шельфа Каспия в районе Шах-Дениз показало наличие крупных запасов природного газа в объеме 400 млрд куб. м. Азербайджанские власти оценивают совокупные запасы природного газа в 3 трлн куб. м⁷⁵.

В-третьих, отсутствует полная ясность относительно емкости турецкого газового рынка. Хотя Турция и подписала контракт о приобретении и закупке газа у Туркменистана, однако цены в контракте не были зафиксированы. Более того, Турция зарезервировала за собой право изменять эти цены в зависимости от текущей конъюнктуры⁷⁶. Вполне вероятно, что транскаспийский проект используется Турцией в качестве рычага давления при переговорах с российским "Газпромом", который также заключил масштабный контракт на поставку газа на турецкий рынок.

Наряду с этим, Турция рассчитывает импортировать через Азербайджан казахскую, а, возможно, и туркменскую нефть. Перспективы прокладки магистрального нефтепровода Баку - Тбилиси - Джейхан, оценочной стоимостью в 2,4 млрд долл.⁷⁷, столь же проблематичны, как и в случае с ТКПП. В лучшем случае реализация проекта нефтепровода начнется с 2004 г., когда потенциальные участники международного консорциума будут иметь гарантированную добычу в 50 млн тонн нефти в год⁷⁸.

По мнению серьезных аналитиков, нефтепровод Баку-Джейхан может быть экономически обоснованным лишь в том случае, если по нему пойдет не только азербайджанская, но и казахская нефть⁷⁹.

Казахстан активно включился в обсуждение проекта транскаспийского нефтепровода через Закавказье по двум причинам. Во-пер-

вых, сам факт наличия пусть гипотетического, но альтернативного экспортного маршрута оказывает давление на участников Каспийского трубопроводного консорциума, заставляя их действовать быстрее.

Во-вторых, объединение усилий с Азербайджаном позволило Казахстану форсировать пересмотр статуса Каспийского моря. И Казахстан, и Азербайджан выступили за секторальное деление моря между прикаспийскими государствами на базе разграничительных линий, условно проведенных еще в советское время⁸⁰. Сближение позиций Казахстана и Азербайджана во многом ускорило заключение соглашения между Казахстаном и Россией о разграничении дна северной части моря, достигнутого в 1997 г.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что на настоящий момент объемы торговли Центральноазиатского региона с Ираном и Турцией достигли максимально возможных величин. Интенсификация сотрудничества с этими двумя странами целиком и полностью зависит от их способности закрепить за собой функцию коммуникационного посредника при экспорте казахской нефти и туркменского газа на мировой рынок. При этом выбор конкретных маршрутов для прокладки экспортных трубопроводов будет сделан ведущими мировыми энергетическими корпорациями и правительствами западных государств.

Примечания:

¹ При написании этой главы использована работа: Резникова О. Россия, Турция и Иран в Центральной Азии.

² Koolaee E. The Role of ECO in the Economic Development of Central Asm // The Iranian Journal of International Affairs. Vol. VI. № 3&4. 1994-95. P. 505, 606-619.

³ Казахстан и ОЭС: масштабы взаимодействия нарастают. Интервью министра иностранных дел Республики Казахстан Касымжомарта Токаева // Казахстанская правда. 9 сентября 1998. С. 3

⁴ Калашникова Н. Стамбульский форум: у подножия тюркского колосса // Коммерсантъ-Daily. 20 октября 1994. С. 4.

⁵ См., например: Азия. Экономика и жизнь. № 9. 1995. С. 8.

⁶ Исмаилова С. Турция - Казахстан, все еще впереди // Деловая неделя №11. 21 марта 1997. С. 10.

⁷ Панорама. № 10. 10 марта 2000 С 2.

⁸ Панорама. № 11. 17 марта 2000 С 8.

⁹ См.: Россия. Энциклопедический словарь. С 482—483; История СССР. Россия в XIX веке. С. 531-560.

- ¹⁰ См. об этом в гл. 3.
- ¹¹ Независимая газета. 21 июня 1994. С. 3.
- ¹² См. Конституция Республики Узбекистан.
- ¹³ См. Parsons. A. Central Asia. The Last Decolonisation. P. 3.
- ¹⁴ Так, в 1992 г. экономическим советником президента Туркменистана стал турецкий бизнесмен. Чуть позднее в круг ближайших советников президента Казахстана были введены турецкие экономисты. См., например, Сегодня. 8 июля 1994. С. 4.
- ¹⁵ Нейтральный Туркменистан. 9 июля 1997. С. 1.
- ¹⁶ Казахстанская правда. 11 сентября 1997. С. 1.
- ¹⁷ Разумов Я. «Посол Ташкент: «Активность турецких компаний в Казахстане находится на стабильном уровне» // Панорама. № 42. 30 октября 1998. С. 5.
- ¹⁸ См. Кононов В.И. Советско-турецкие торгово-экономические связи: поиски новых форм и направлений. С. 298-300.
- ¹⁹ Известия. 29 апреля 1992. С. 5; 6 марта 1992. С. 5; 2 ноября 1991. С. 2.
- ²⁰ Известия. 16 марта 1992. С. 5.
- ²¹ Независимая газета. 2 июня 1992. С. 2.
- ²² Известия, 18 июня 1992. С. 3; Независимая газета. 4 сентября 1992. С. 3; Коммерсантъ-Daily. 26 ноября 1992. С. 9.
- ²³ Казахстанская правда. 14 июня 1995. С. 1.
- ²⁴ Азия. Экономика и жизнь. № 10. Март 1996. С. 2.
- ²⁵ Сегодня. 30 августа 1995. С. 9.
- ²⁶ Панорама. № 13. 31 марта 2000. С. 5.
- ²⁷ Interfax Business Report. Ns 54. March 1996. P. 3.
- ²⁸ Бизнес MN. № 22. 21 июня 1995. С. 2.
- ²⁹ Экономика и жизнь. № 24. Июнь 1994. С. 19.
- ³⁰ Деловой мир. № 35. 12-15 сентября 1997. С. 2.
- ³¹ The Central European Economic Review. Vol. IV. № 5. June 1996. P. 27; Панорама (Алматы). № 17. 3 мая 1996. С. 7.
- ³² См., например: Алма-Атинская декларация V встречи глав государств и правительств — членов ЭКО // Казахстанская правда. 12 мая 1998. С. 1-2.
- ³³ Казахстан и ОЭС: масштабы... С. 3.
- ³⁴ Есильбаев Т. ОЭС: партнерство - в интересах всех стран региона // Казахстанская правда. 16 мая 1996. С. 2.
- ³⁵ Turkmenistan News. № 18. 27.08.1999.
- ³⁶ Turkmenistan News. № 21. 25.09.1999.
- ³⁷ Силаев Н. Новые друзья лучше старых // Эксперт. №30. 21 августа 2000. С. 13.
- ³⁸ Сасин И. Туркменский газ: политика или коммерция? // Азия. Экономика и жизнь. № 5. Февраль 1998. С. 7.
- ³⁹ Иванов А. "Шелл" хочет финансировать экспорт туркменского газа в Европу // Русский телеграф. 15 октября 1997. С 5
- ⁴⁰ The Central Asian Post. № 5. 8 February 1999. P. 3.
- ⁴¹ Onaran Ya. Turkey Signs Major Gas Deal With Iran // The Moscow Times. 13 August. 1996. P. 13.

- ⁴² Caspian Pipeline May Be Competitive Again // The Times of Central Asia (Bishkek). Vol. 1. № 27. 9 September 1999. P. 7.
- ⁴³ Талызин И. "Газпром" ищет оптимальные пути на азиатский рынок // Финансовые известия. № 98. 25 декабря 1997. С. II.
- ⁴⁴ Внешнеэкономическая деятельность Туркменистана в 1996-1998 гг. С. 6.
- ⁴⁵ Caspian Pipeline May Be Competitive Again... P. 7.
- ⁴⁶ Михайлов В., Смольников Г. Соперничество за право добывать нефть // Независимая газета. 4 ноября 1997. С. 3.
- ⁴⁷ Панорама. № 22. 6 июня 1997. С. 1.
- ⁴⁸ Панорама. № 14. 10 апреля 1998. С. 6; Кузьменко Б. Казахстан и Иран, преодолев одни препятствия, натолкнулись на новые // Деловой мир. 9 апреля 1997. С. 5.
- ⁴⁹ Панорама. № 14. 10 апреля 1998. С. 9.
- ⁵⁰ Turkmenistan News. № 21. 25.09.1999.
- ⁵¹ Панорама. № 44. 13 ноября 1998. С. 5.
- ⁵² Панорама. № 32. 21 августа 1998. С. 5.
- ⁵³ См., например, содержательную во многом провидческую дискуссию по этому вопросу в: Современный Иран // Мировая экономика и международные отношения. 1976. №6.
- ⁵⁴ Global Development Finance. 2000. P. 145-146.
- ⁵⁵ Шерматова С. Тегеран распахивает двери // Время МН. 29 декабря 1998. С. 6.
- ⁵⁶ Ширяев В. Газовый синдром // Новые известия. 12 мая 1998. С. 4.
- ⁵⁷ Власов П., Быков П. Неудобный альянс // Эксперт. № 10.15 марта 1999. С. 6.
- ⁵⁸ Коммерсантъ. 19 марта 1999. С. 2.
- ⁵⁹ Духанов С. Вашингтон ищет примирения с Тегераном // Деловой мир. № 25. 27 декабря 1996-2 января 1997. С. 2.
- ⁶¹ Разумов Я. США категорически против сотрудничества прикаспийских стран с Ираном в области транспортировки нефти // Панорама. № 39. 8 октября 1999. С. 5.
- ⁶² Всемирный банк разблокировал Иран // Ведомости. 23 мая 2000. С. А2.
- ⁶³ Панорама. № 19. 13 мая 1995. С. 7.
- ⁶⁴ Панорама. № 15. 18 апреля 1997. С. 9.
- ⁶⁵ Панорама. № 39. 10 октября 1997. С. 8; Казахстанская правда. 9 октября 1997. С. 3; The Moscow Times. 8 October 1997. P. И.
- ⁶⁶ Turkmenistan News. № 17. 20.08.1999.
- ⁶⁷ Новопрудский С. Клинтон заслал в Ашхабад своего агента // Русский телеграф. 28 мая 1998. С. 3.
- ⁶⁸ Turkmenistan News. № 16. 13.08.1999.
- ⁶⁹ Turkmenistan News. № 21. 25.09.1999; Dorsey J.M. Turkmenistan's Deal Maker // The Central European Economic Review. Vol. VII № 3. April 1999. P. 20.
- ⁷⁰ The Moscow Times. 13 August 1999. P. 11
- ⁷¹ Turkmenistan News. № 16. 13.08.1999.
- ⁷² The Central Asian Post. № 5. 8 February 1999. P. 3.

⁷³ Гаджизаде А. США "спасли" транскаспийский газопровод? // Независимая газета. 14 марта 2000. С. 5.

⁷⁴ Turkmenistan News. № 18. 27.08.1999.

⁷⁵ Turkmenistan News. № 16., 13.08.1999.

⁷⁶ Caspian Pipeline May Be Competitive Again... P. 7.

⁷⁷ Fitchett J. Can Caspian Find Make a Reality of Pipeline to Turkey? // The International Herald Tribune. 15 November 2000. P. 22.

⁷⁸ Панорама. № 47. 3 декабря 1999. С. 9.

⁷⁹ Панорама. № 39. 8 сентября 1999. С. 5.

⁸⁰ Панорама. № 23. 13 июня 1997. С. 5.